

тому же роду, что и ее отец, и таким образом из поколения в поколение продолжает связь двух родов, совместно осуществляющих контроль за имуществом семьи. Иногда обсуждение отдельных вопросов социальной организации принимает характер дискуссий; например, по вопросу о локальности брака у гаро. Мнения двух специалистов — Ч. Накане и Р. Бёрлинга⁴⁰ разошлись: первая рассматривала наличие определенного процента патрилокальных браков у гаро как нарушение традиционного порядка, второй считал это явление не только естественным, но даже неизбежным для матрилинейной организации гаро.

Мы наметили лишь основные направления исследования социальной организации малых народов Ассама и не претендуем на приведение всей библиографии проблемы. В последние годы в самой Индии резко возрос интерес к национальным меньшинствам страны, к их формам организации и перспективам развития; из среды самих племен выходят первые этнографы — таковы исследователь кхаси Д. Рой или ао нага Тадженьюба Ао⁴¹. Время выдвигает новые требования к этнографии Индии. Горные народы Ассама переживают сейчас сложный период, когда новые веяния все сильнее проникают в их традиционные общины и взрывают веками установившийся, развивающийся по своим внутренним законам уклад. В результате в их общественной структуре происходят очень важные изменения. Оказались сдвинуты во времени многие процессы, исторически принадлежащие к разным этапам развития, у ряда народов одновременно происходит трансформация родовых институтов и разложение общины как таковой. Бурно прогрессирующий в последние годы процесс имущественного расслоения затрагивает сложившиеся в большинстве общин социальные группы и сословия, и они по-разному реагируют на нарушение традиционных установлений. Все эти новые тенденции, в их динамике и переплетении, требуют рассмотрения. Специалистам по общественному строю предстоит не только фиксировать уходящие явления первобытнообщинного строя, но и уловить то новое, что определяет современное развитие малых народов Северо-Восточной Индии.

С. А. Маретина

⁴⁰ Ch. N a k a n e, Cross-cousin marriage among the Garos, «Man», 1958, № 7; R. B u r l i n g, Garo cross-cousin marriage.

⁴¹ D. R o y, Who is a Khasi? Shillong, 1963; A o T a j e n y u b a, Ao Naga customary law, Mokokchung, 1957.

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

А. И. Першиц, А. Л. Монгайт, В. П. Алексеев. *История первобытного общества*. М., 1968.

Публикация учебника по истории первобытного общества, написанного тремя известными советскими учеными, представителями трех родственных областей знания — этнографии, археологии и антропологии, является большим событием в истории советской науки. Рецензируемая нами работа — не просто учебное пособие. Это по существу первое марксистское обобщение современных знаний в области наук, мыслившихся еще Аучинным как некая единая «триада» наук о первобытном человечестве. В этом специфика источников первобытной истории, которая может изучаться лишь на основе комплекса знаний в области этих трех наук.

Во вводной части книги авторы дают четкое определение предмета истории первобытного общества — первобытнообщинной формации, первой формации в истории человечества, охватывающей огромный период от появления на земле человека и до возникновения классового общества и государства. Здесь же справедливо подчеркивается огромное мировоззренческое значение науки о первобытности и важное прикладное значение ее на современном этапе развития многих племен и народов мира.

Авторы знакомят читателя с состоянием вопроса о периодизации первобытной истории. Справедливо отмечая, что эта сложная проблема еще окончательно не решена, они делят первобытную историю на три основные эпохи: эпоху первобытного стада, эпоху родового строя и эпоху разложения первобытнообщинной формации. Этой периодизации придерживается большинство советских ученых.

В первой главе «Историография и источники первобытной истории» прослеживается развитие науки о первобытности от ее зарождения у античных греков и римлян, через средневековье, эпоху великих географических открытий и до наших дней. В ней дан критический анализ различных школ и направлений (эволюционизм, диффузионизм, функционализм и др.), возникавших в истории науки. Вскрывая методологические пороки этих школ, авторы в то же время отмечают положительный вклад каждой из них в

накопление конкретных знаний о первобытном обществе. Особое место уделяется истории разработки марксистской концепции первобытной истории.

В последующих главах дана характеристика отдельных эпох в истории первобытнообщинной формации. Эпохе становления человеческого общества — первобытному стаду — посвящена вторая глава. Значительное место в ней уделено проблемам антропогенеза, определению его движущих сил, роли труда в очеловечении обезьяны, эволюции орудий труда и трудовой деятельности древних гоминид. В этой главе обобщены все новейшие данные палеоантропологии и палеоархеологии. В ней на основе совокупности хотя и косвенных данных антропологии, археологии и этнографии сделана попытка исторической реконструкции дородового состояния человечества — первобытного человеческого стада, начало которого датируется появлением искусственных орудий труда и конец — появлением современного вида человека и вместе с ним «готового» человеческого общества. Авторы выделяют ранее стадо древнейших людей и более развитое стадо неандертальцев. Они приводят интересные данные, позволяющие считать, что стадо состояло из 20—30 взрослых членов и было сравнительно оседлым.

Останавливаясь на вопросе о борьбе между индивидуалистическими и стадно-коллективистскими формами поведения в первобытном стаде и вытеснении первых вторыми, авторы справедливо допускают, что столкновения в стаде не могли носить массового характера, иначе стадо не могло бы развиваться до более высоких форм. Да и сама сравнительная устойчивость первобытных коллективов говорила против этого.

Первостепенное значение для перехода стадной организации в родовую авторы видят в обуздании зоологического индивидуализма в области половых отношений. Авторы отмечают ошибочность идеи Л. Г. Моргана о кровнородственной семье как древнейшей форме брачно-половых связей.

Третья глава («Расцвет первобытного общества: родовая община») посвящена характеристике родового строя как этапа расцвета первобытного общества.

Возникновение родовой организации авторы, следуя большинству советских ученых, относят к эпохе позднего палеолита, связывая его с появлением человека современного вида. Поднимая еще не решенный вопрос о месте формирования последнего, авторы склонны поддерживать гипотезу полицентризма, согласно которой разные расы современного человека произошли от разных рас неандертальцев. Однако большое число ученых придерживается гипотезы моноцентризма, согласно которой человек современного вида возник в результате смещения различных представителей неандертальцев в одном центре эйкумены — в Передней Азии и Средиземноморье. В пользу этой гипотезы говорит как будто и факт большей типологической однородности позднепалеолитического человека, чем современного. В этой главе в сжатой форме излагаются проблемы расогенеза, приведшего к сложению трех больших рас человечества. Важнейшим условием завершения биологической эволюции человека, как и его следствием, был, как отмечают авторы, «мощный, археологически устанавливаемый скачок в развитии производительных сил». Огромные сдвиги в развитии производительных сил повлекли за собой крупнейшие изменения в организации общества. На смену аморфной неустойчивой структуре стада должна была прийти более устойчивая форма общественного устройства — род. Авторы приводят широкую аргументацию в пользу закономерной обусловленности возникновения материнского рода.

«Материнская родовая община, — пишут авторы, — являлась уже сформировавшимся, «готовым» человеческим обществом» (стр. 71). В ней «отношения родства осознавались как экономические отношения, экономические отношения — как отношения естественного родства» (стр. 71). Останавливаясь на экзогамии как важнейшем признаке рода, авторы справедливо отмечают нерешенность вопроса о механизме ее возникновения. Знакома читателя с существующими точками зрения по этому вопросу, авторы выделяют как наиболее широко признанную гипотезу С. П. Толстова, объясняющую возникновение экзогамии необходимостью упорядочения хозяйственной жизни внутри первобытных коллективов.

Эпоху материнско-родового строя авторы делят на два больших этапа: 1) период ранней материнско-родовой общины охотников и рыболовов и 2) период развитой материнско-родовой общины земледельцев-скотоводов, справедливо видя рубеж между ними в переходе от присваивающего хозяйства к производящему. В пределах первого из этих периодов авторы различают два последовательных этапа: архаическое и более развитое охотничье хозяйство, сочетающееся во многих районах мира с рыболовством. Авторы справедливо отмечают, что положение Моргана, видевшего рубеж между этими этапами в изобретении лука, в основном подтверждается современными знаниями, хотя не везде этот признак оказался применимым. У многих племен Южной Америки, например, указывают авторы, не было лука, и их охотничье хозяйство развивалось на основе применения других, не менее действенных орудий. В связи с этим вполне обоснованным положением авторов встает вопрос о возможности такой же оценки уровня развития австралийцев.

Общественные отношения и духовная культура в ранней материнско-родовой общине реконструируются по пережиточным явлениям у племен охотников-рыболовов. Безусловно правы авторы, видя основу социальной жизни в эту эпоху в коллективизме

производства и распределения и оценивая эту общину как коллектив равных полноценных членов (стр. 98).

Характеризуя неолит и энеолит как эпоху развитой родовой общины земледельцев и скотоводов, авторы анализируют технические достижения этой эпохи. Изобретение земледелия и скотоводства отмечаются как важнейшие достижения человечества этой эпохи, усилившие в то же время неравномерность исторического развития различных племен.

В главе суммированы археологические и этнографические сведения, характеризующие разнообразные варианты раннеземледельческих обществ различных районов мира. Вместе с тем в ней показан и другой путь развития неолитической экономики, по которому пошли «высшие рыболовы и охотники» севера Евразии и Америки, носители кельтеминарской культуры в Средней Азии.

Большой познавательный интерес представляет характеристика общественных отношений народов неолитических культур. Несмотря на различный путь развития неолитической экономики, у различных народов этой эпохи складывались в общем сходные социальные структуры. Всюду, как убедительно показывают авторы, на основе роста производительности труда идет дальнейшее развитие родового строя. Ранняя материнско-родовая община уступает место более развитым ее формам. При сохранении коллективизма в отношениях собственности и совпадения их с естественными кровнородственными связями, скреплявшими производственный коллектив, шел процесс выделения из рода домовых общин или материнских семей, которые приобретали значение производственных коллективов. Возникавшая парная семья, говорится в главе, производственной ячейкой не была, «семьей в экономическом и общественном смысле, — справедливо отмечают авторы, — являлась вся материнская домовая община» (стр. 139).

На богатом этнографическом материале дано яркое и многогранное описание поздних форм материнско-родовой организации. Авторы удачно обобщили всю совокупность накопленных знаний о различных племенах и народах земного шара.

Глава четвертая («Разложение первобытного общества») посвящена анализу завершающего этапа в развитии родового строя. В качестве важнейшей предпосылки разложения первобытного общества справедливо указывается переход к широкому использованию металлов. Металлические орудия труда сыграли решающую роль в развитии всех отраслей хозяйственной деятельности людей. Появилась возможность производства прибавочного продукта как экономического условия возникновения отношений эксплуатации, классов. Здесь сжато обрисовывается процесс коренных изменений в общественных отношениях людей, знаменовавших переход от первобытно-коммунистического общества к классовому, а вместе с этим переход от родовых связей к территориальным.

Сомнение вызывает лишь положение авторов о «превращении родовой общины в соседскую» (стр. 159). Думается, что делокализация родов ведет к распаду родовых общин и замене (а не «превращению») их соседскими общинами. Приводимые в этой главе археологические и этнографические данные убедительно рисуют картину мира в эпоху бронзы и железа. Специальный раздел главы посвящен показу многообразия форм разложения первобытного общества. В качестве важнейших из них хорошо охарактеризованы патриархат и поздний матриархат. Как общую черту эпохи разложения первобытного общества авторы справедливо выделяют борьбу материнско-родовых и патриархальных начал, завершением которой всюду была смена материнского правопорядка отцовским. Авторы подчеркивают при этом, что патриархат был формой разложения родового строя, а не новым видом родового организации.

Духовная культура этой эпохи характеризуется сведениями о развитии положительных знаний, искусства, религии. В появлении письменности авторы справедливо видят апогей в развитии духовной культуры первобытного общества.

Серьезное внимание в этой главе уделено истории возникновения и развития частной собственности. На богатом научном материале обосновывается марксистское положение об исторически преходящем характере частной собственности и классов, и показывается несостоятельность буржуазных теорий об извечном, «естественном» происхождении институтов классового общества. Показана также несостоятельность так называемой «теории насилья», объясняющей происхождение классов и государства как следствия завоеваний.

Важное практическое значение имеет раздел о судьбах первобытной общины в классовых формациях. Он привлечет, несомненно, внимание историков, социологов и всех тех, кто интересуется современным социально-экономическим строительством у народов так называемого третьего мира. Затронутые в нем проблемы актуальны для племен и народов стран Азии, Африки, Латинской Америки.

Нельзя недооценивать актуальность поднятых в этой главе проблем. Изложенные в ней сведения и выводы имеют эллободневный характер в свете современной идеологической борьбы между научным коммунизмом и буржуазными социологическими теориями.

В общем «История первобытного общества» — это хорошо изложенный синтез, марксистское обобщение современных знаний в области первобытной истории. На

страницах этого труда развиваются и обогащаются новейшими данными современной науки основные положения марксистского понимания первого этапа в истории человеческого общества. Он заинтересует несомненно широкие круги советских обществоведов как пособие по важнейшим проблемам истории первобытного общества.

Нельзя не сказать также о хорошем языке, которым написана книга, и об изящном оформлении ее иллюстрациями.

Ю. П. Аверкиева

НАРОДЫ СССР

Л. М. Сабурова. *Культура и быт русского населения Приангарья*. Конец XIX—XX в. 1967, 280 стр.

Русское население Приангарья в недалеком прошлом представляло собой своеобразную этнографическую группу; это старожильцеское население — потомки русских переселенцев, пришедших в Сибирь еще в XVII в. и сохранивших много своеобразных черт в хозяйстве, культуре, бытовом укладе. Историческая судьба русских Приангарья сложилась так, что, вскоре после освоения ими края, пути дальнейшего продвижения русских в глубь Сибири и торгово-экономические связи были перенесены южнее; рассматриваемое население оказалось в известной степени изолированным: приток новых русских поселенцев на Ангару прекратился и старожильцеское население как бы законсервировалось, сложилось в компактную и однородную группу. Лишь после Великой Октябрьской социалистической революции, за годы социалистического строительства, а главным образом в связи с сооружением Братской ГЭС эта изолированность оказалась нарушенной: на Ангару приехало много новых поселенцев, в то время как значительное число местных жителей, особенно молодежи, покинуло родные места.

Рецензируемая книга (ответственный редактор В. А. Александров) явилась результатом длительного полевого изучения крестьянства Приангарья, проводившегося в течение шести лет — с 1957 по 1962 г. (состоялось пять экспедиций и одна поездка в осенне-зимнее время 1961 г.); кроме того, привлечены литературные материалы, относящиеся к этой территории, а также данные местных архивов.

Работа подразделяется на введение, заключение и четыре большие главы: «Занятия населения», «Изменения материальной культуры ангарских крестьян в годы Советской власти», «Семья и семейный быт», «Общественный быт». В каждой главе автором выделены дореволюционный (конец XIX — начало XX в.) и советский периоды, в некоторых главах выделены еще и третий, переходный период — 1920-е годы (до начала массовой коллективизации). Исключение представляет глава «Семья и семейный быт», где дореволюционная семья рассматривается в одном подразделе с преобразованием семьи в 1920-х годах, что автор объясняет отсутствием сравнительных статистических данных по дореволюционной семье. Нам представляется такая разбивка материала по всей книге в целом вполне обоснованной и целесообразной; считаем нужным лишь отметить, что вряд ли оправдано столь длинное название второй главы, ведь во существовании и во всех других главах также рассматриваются изменения, происшедшие за годы Советской власти; поэтому глава могла бы быть названа просто «Материальная культура», такое название не выделяло бы ее из формулировок названий всех остальных глав.

Объем всех четырех глав неодинаков, больше всего места отведено главе о хозяйстве (90 стр.), почти одинаковы по объему главы по материальной культуре (62 стр.) и семье (60 стр.), несколько меньше глава, посвященная общественному быту (46 стр.). Такое распределение материала нам представляется правильным с точки зрения охвата всех сторон культуры и быта и не вызывает возражений.

С точки зрения подачи современности опубликованные за последние полтора-два десятка лет этнографические монографии по отдельным народам или группам населения показывают, что их построение в основном сводится к двум методам: а) дается новое, а в нем попутно делаются экскурсы в старое, отмечаются различные пережитки и б) сначала дается старое, а потом новое, при этом проследивается и ход совершавшихся изменений, сдвигов и т. п. Как нам представляется, второй метод является наиболее правильным, он историчен. Именно по этому пути и пошла Л. М. Сабурова в построении своей книги. При этом значительную часть ее содержания она отвела новому: даже простой подсчет страниц показывает, что современности в книге уделяется несколько больше места, чем прошлому (134 страницы из 260), что, однако, не привело к обеднению материала по прошлому, которое представлено достаточно полно и в целом дает яркую и колоритную картину жизни приангарского крестьянства до революции. Здесь много интересных бытовых подробностей; хорошо сделал автор, что в книге, помимо терминологии, приводит множество местных словесных оборотов и выражений, что оттеняет описание.